

УДК 94(100)"1914/19"(093.3)

**В ОКОПАХ И В ПЛЕНУ: СОЛДАТСКИЙ ДНЕВНИК
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)****А. Н. Кудрявцев, А. В. Соколов**

Данный текст является продолжением публикации солдатского дневника Первой мировой войны, автором которого был старший унтер-офицер 130-го пехотного Херсонского полка Николай Демидович Мурсатов, уроженец Вятской губернии. Копия дневника была представлена жителем г. Йошкар-Олы, в семейном архиве которого сохранилась эта реликвия. В первой части дневника были описаны события ноября-декабря 1914 года, когда его автор был мобилизован в городе Вятка и попал в действующую армию в 130 пехотный полк Бессарабского полка (Запад – Восток. 2014. № 7. С. 136–152). Записи содержат описание мобилизации, военные действия в предгорьях Карпат и осаду Перемышля, солдатские жизнь и быт первой военной осени. Вторая часть дневника посвящена военному плену, в который попал Николай Мурсатов в декабре 1914 года. Первая многочисленная партия военнопленных в годы Первой мировой войны была захвачена именно в этот время, во время сражений в Польше на Карпатском фронте. Текст содержит исторические сведения о настроениях в российской армии, быте военнопленных в австро-венгерском плену на территории современных Польши и Австрии. Во время пленения и первых допросов российские солдаты и офицеры, по свидетельству автора дневника, сохраняли достоинство и не раскрывали сведений. Общение с офицерами во время допросов происходило на смеси славянских языков. Первоначально отношение к пленным со стороны австрийцев было достаточно гуманным: они делились продуктами и табаком. Автор дневника сменил несколько лагерей, особенно подробно им описан крупный австрийский лагерь для военнопленных в Мархтренте. Автор сообщает численность пленных, число барачков, их расположение. Материалы дневника свидетельствуют о том, что в лагере стремились соблюдать международные нормы. Но при этом пленные испытывали недостаток в продуктах, болели, не имели возможности работать. Материалы дневника сохранили подробные данные о рационе и нормах питания пленных, болезнях и прививках, правах и обязанностях, различных чрезвычайных происшествий.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, лагеря военнопленных, Мархтрент.

Для цитирования: Кудрявцев А. Н., Соколов А. В. В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 163–180.

Винтовки у нас отобрали и почему-то оставили в лесу – не понесли с собой. Патроны выбросили у нас, патронные сумки у нас отобрали и стали обыскивать вещевые мешки, но у меня ничего не отобрали. Один австриец просил у меня кокарду, я ему не отдал; тут они что-то забормотали по-своему и один у меня отобрал фуражку. Я не хотел отдавать ему, тут накричал один на меня, и я замолчал. Который отобрал у меня фуражку, тот вынул из своего вещевого мешка фуражку – грязную и черную – и надел на мою голову российскую фуражку черного цвета

с чехлом; у нас были цветные защитного цвета. Потом повели нас к своим на позиции: назначили двух конвойных рядовых и одного унтер-офицера за старшего. Шли мы по тропе лесом; стрельба шла с обеих сторон – справа и слева. Тогда я только понял подробно, что неприятель находился с левой стороны, а с правой стороны стреляли наши. Эти 13 человек были, наверное, их разведчики.

Стали мы подходить к их позициям. Повели нас кругом лесом, обошли и встали. Зашли на позиции, а вперед прямо не повели нас из-за того, что шла стрельба – австрийцы стреляли. Позиция у них занята была на вершине гор, возле лес. Были окопы у них, фланги были загнуты, был один пулемет. А впереди окопов была полянка кругом, шагов на 400. С этой горы я посмотрел откель стреляют наши и увидел через верхушку леса на расстоянии версты с полторы наши позиции. Наша артиллерия стреляла с правой стороны и давала недолет. Из винтовки наши стреляли спереди и справа. Потом повели нас к командиру австрийскому. Они находились сзади – в лесу. Офицеров их было тут много и были уланы на конях. У нас – казаки, у них казаков нет, а вместо казаков – уланы. У нас кроме казаков есть и уланы.

Тут командир стал нас допрашивать по-русски, как излапали. Мы стали рассказывать, что мы были высланы дозорными пять человек в лес, я был за старшего. Он у меня увидел – на погоне пришиты три тренчика. Он спросил: «Ты, пан, капрал?», я ответил: «Так точно». А другой офицер говорит: «Это шукствир»¹. По-австрийски капрал означает младший унтер-офицер, а шукствир – старший унтер-офицер. А [слово] «дозоры» они не понимают, по их – «патруль». Вообще они мало понимали по-русски. Потом спросил: «Какой регилимент?»². Мы не ответили на вопрос, потому что мы не знали, что он спрашивает. Потом другой офицер спросил: «Какой полк?» Мы сказали – 130-й Херсонский полк. Потом спросил: «Какой компании?» Мы опять стояли и молчали. Другой офицер спросил: «Какой роты?», мы ответили – 10-й. Это все он записал в книгу, затем спросил: «Где ваша рота [находится]?» Я отвечал ему все наоборот – я сказал, что мы не знаем, где сейчас [она] находится. Потом [он] спросил: «Сколько у вас войска тут находится?». Я ответил ему, что тут я видел только одну нашу роту; мы только вчера на позиции пришли из России, мы ничего не видали. Потом [он] отступил-ся спрашивать нас. Это спрашивал офицер, который говорил по-русски хорошо.

Потом другой офицер поднес нам папиросы и дал нам по папиросе. Мы говорили ему, что у нас табак есть, а хлеба нема – «ниц», кушать хочется. Тут стояли солдаты их – один австриец принес мне полбанки консервов, а хлеба у них у самих не было. Тут я увидел, что сами австрийцы ели картошку без хлеба.

Затем повели нас прямо лесом; два улана сверху – конвойные. Вышли мы из лесу и поле и шли по дороге. Наша артиллерия стреляла все время, австрийская артиллерия тоже стреляла. Наши снаряды падали прямо над нами – нас погнали бегом. Дошли мы до опушки леса, тут была одна хата и стоял австрийский обоз, а в этой халупе произведен [был] перевязочный пункт. Тут нас остановили, и видел я – несколько человек принесли раненых на носилках, а некоторых вели – австрийцев было тут много. Тут нас обставили кругом австрийцы и спрашивают – где вас излапали? Мы сказали – под Тарновым³.

¹ Транскрипция воинского звания *цугсфюрер*.

² Полк.

³ Тарнов или Тарнув – ныне город в Польше.

Потом я сказал им: «Паны, хлеба нема у нас – кушать хочется, уже три дня не кушали». Потом мне один австриец принес кусочек хлеба; хлеб был хороший и белый – я поел вместо меду. А другой австриец отдал мне полбанки консервов и вилку – я тут закусил хорошо. Товарищам моим тоже дали по кусочку хлеба и консервов понемногу, видать, австрийцы были добродушны. Вилку я отдал австрийцу обратно, [тому], который мне давал и сказал ему: «Зинкую¹, пан».

Затем повели нас прямо поле верст 8 до местечка, где стоял штаб дивизии. Тут нас конвойные сдали караульному начальнику, и повели нас в караульное помещение. Пришли мы в караульное помещение: тут были австрийцы – человек десять часовых, а на полу лежало двое наших солдат пленных. Нам приказали снять шинели и положить на пол. Мы сняли шинели и положили на пол.

Тут один австриец сидел за столом и стал разговаривать со мной, спросил меня: «Ты капрал?». Я ответил ему – капрал. Он подступился ко мне грозно: ты, говорит, командовал над нашими солдатами. Потом он стал стращать нас: вас, говорит, поведут в Германию, Германия вас повесит вот так – показал нам вниз головой. Я ему ответил, что нас в Германию не поведут, потому что нас не Германия взяла, а Австрия; будем мы находится в Австрии. Затем стал говорить: «Зачем – говорит, вы в Галиции жену мою обидели?». Я ему сказал, что мы в Галиции не были – он не поверил мне. Потом другой австриец увидел у меня ремень российский, опоясан на рубашке. Он выпросил у меня посмотреть – ремень был хороший, с медной бляхой – он надел на себя. Я стал просить у него обратно – он не отдает мне; я взял за ремень и хотел отобрать у него. Тут другой австриец что-то сказал ему по-своему. Этот австриец задал мне оплеуху хорошую и забормотал что-то по своему и указал мне место на полу, дескать, ложись на пол. Мне делать нечего стало, я больше слова не сказал и спокойно себе лег на пол с товарищами. Нас было 7 человек, да вечером привели 9 человек Бендерского² полка, а ночью привели целую партию – 317 человек Бендерцев. Забрали австрийцы весь 4-й батальон (10-го числа) и 4 офицера; забрали полковника, командующего батальоном, и ротных командиров, и подпрапорщиков. Нас стало 333 человека.

Ночью нас повели ночевать в каменный холодных погреб, где было навалено картошки. Нагнали нас в хлев как скотину и еще хуже, и легли мы по порядку на холодную землю, а некоторые спали на картошке. Окошек не было, и огня не было – было темно, как в темном карцере. Дверь заперли на замок, и снаружи у дверей стоял часовой. До ветру³ по одиночке не выпускали, а когда наберется человек 10, тогда водили часовые по два человека, а некоторые прямо в погребе мочились, если невтерпех.

Утром 11-го нам дали каво⁴, а хлеба не было, сказали, что здесь хлеба нет, а вечером выдадут в местечке, до местечка 25 верст. Когда мы напились каво, пришли конвойные человек 20 и один офицер и повели нас по шоссе на дороге. Конвойные шли спереди двое и сзади один, остальные шли по бокам. Шли мы не очень ходко и через пять верст давали отдых на пять минут. Конвойные вели нас строго, чтобы в сторону от дороги ничуть не отошли, и [чтобы] сзади [никто] не остался – били прямо прикладом.

¹ Дзякую (малоросс.) – благодарю.

² 132-й пехотный Бендерский полк.

³ По нужде.

⁴ Каво (слав.) – кофе.

Вечером мы дошли до местечка Ржевск¹, перешли мы 25 верст. Город отличный, есть фабрики и заводы. Прошли мы мимо площади, вся эта площадь была занята автомобилями. Тут было более сотни авт[омобилей], и разной системы, но больше всего было больших, на которых возят разные продукты и раненых. Провели нас за город и остановили нас у одной хаты – тут был нам ночлег. Завели нас на двор, куда гнали скотину. На дворе было холодно, и были мы голодные. Нас заперли на замок и никуда не выпускали, кроме до ветру, а то можно было бы достать хлеба и сала покупить. Ночью нам принесли каво, а хлеба не выдали почему-то. Тут я у многих солдат видел – пили каво с сухарями, а мы 4 дня уже без еды. Были и деньги – купить негде, дал бы за фунт² 50 коп., но видно делать нечего. Как суждено, куда Бог поведет нас, пока жив – нужно пострадать.

Утром 12-го выгнали нас из двора; тут было несколько женщин – продавали сало свиное и был хлеб – некоторые успели купить. Продавали яблоки, сала было достаточно и можно было купить вареное. Только тем плохо, что русские деньги не брали нипочем. У меня австрийских денег не было – мне не пришлось купить; у кого были австрийские деньги, те купили сало и яблоки, и даже хлеб достали. Затем построили нас по 4 и повели командой. После обеда дошли мы до г. Бохния³, перешли верст 15. Шли мы по шоссе; замечательно, что когда мы переходили 15 верст, то всю дорогу ехал обоз с разными продуктами – везли со станции Бохнии на позиции. И ездили все время взад и вперед на автомобилях из Бохнии – везли продукты: хлеб и муку, и одежи теплые. На автомобилях навалено [по] несколько десятков пудов. С позиции – везли раненых и ехали на простых⁴ [автомобилях] за продуктами. Заметил я, что около Бохнии, на поле женщины копали окопы, а мужчины, старики и малые уделывали дорогу – разравнивали ямы, грязь где, и вода на дороге – отталкивали железными лопатами в сторону. Все жители помогали своим войскам.

В Бохне привели нас на площадь, остановили нас, и мы отдохнули тут. Выдали нам по три сухарика (сухари у них белые), и был обед, но порций не было, а суп был очень вкусный – рисовый, жирный, сварен из консервов. Мы тут пообедали хорошо с сухарями. Я 4 с половиной дня не ел, на 5-й день и я поел хорошо.

Теперь я смотрел на город Бохнию и удивлялся – он вовсе стал другим. Две недели тому назад, когда мы были в Бохне – стояли два дня – тогда мне показался этот город невеселым и каким-то роскошным: жизни не было в нем, лавки были разорены, магазины были заперты, фабрики не работали. А теперь стал веселым: видать, что в больших каменных домах живут жители, и открыты магазины – идет торговля, фабрики стали работать, вольные⁵ жители наехали. И много собралось вольных кругом нас, только близко не допускали их конвойные. Видел я – многие принесли хлеб, наверное продавать. Если бы допускали их, то мы бы могли купить себе хлеб и всего.

Видел я тут на площади стоял австрийский обоз и несколько автомобилей. [Там], где стояли мы, рядом стоял большой двухэтажный каменный дом. В этом

¹ Rzezawa – ныне город на юге Польши.

² Фунт – мера веса. В тексте имеется в виду русский фунт, в указанный период равный 409,5 грамма.

³ Бохня – ныне город в Польше.

⁴ Здесь: разгруженных.

⁵ Здесь и далее: гражданские.

доме стояли австрийские солдаты, они вышли к нам, некоторые продавали хлеб. Брала за хлеб с нас дорого – по 50 коп. продавали маленький хлеб[ушек]. Тут много ходило австрийцев и спрашивало – нет ли у кого часов на продажу; у кого есть часы, то продайте сейчас, а то у вас их будут отбирать без копейки, и говорили, что русские деньги тоже будут отбирать. Я тут заметил – некоторые продавали часы и меняли на хлеб; русские деньги тоже многие меняли – за рубль давали австрийские две кроны. Заметил я – тут много было пьяных австрийских солдат, некоторые валялись тут [же] на земле. И видел – у многих наших солдат австрийские унтер-офицеры отбирали наши башлыки и баклаги¹ цинковые. Многие наши солдаты спрятали башлыки и баклаги в вещевые мешки – у тех не отбирали. Затем пришел к нам австрийский офицер и увидел, что делают австрийские солдаты. Он громко закричал на них и стал ругать их, обнажил шашку и стал их бить – они все убежали в помещение. Наши солдаты доложили ему, что [они] у нас отбирали башлыки и баклаги. Он побежал в помещение и в ту же минуту вынесли все, что отобрали и раздали всем, у кого отбирали.

Бохнию брали наши два раза. В первый раз взяли наши без боя, когда отступали австрийцы и ушли верст за 15 от Бохнии. Потом наши отступили, оставив Австрию. Когда наши стали наступать, взяли в другой раз с боем. Когда мы отступали от Карпатских гор верст 40, то Бохнию взяли они обратно.

Когда мы пообедали в Бохнии, то после обеда еще повели нас верст 10. Шли мы возле железной дороги; по сторонам, недалеко от дороги были деревни и отдельные хаты. Все вольные жители выходили смотреть на нас – старые и малые. Сколько замечал я – у них остались дома только старые и малые и женщины. Нас шло много и были наши многие в папахах серых; они думали, что это идут казаки. Малые ребята и женщины насмехались над нами и кричали «Кур, кур, кур... Давай кур!» Тут [же] женщины кричали: «А, мать вашу, курву! Что, излапали? А, давай хлеб, давай млеко! Что, пошли Краков отбирать?». И многие спрашивали своих конвойных – казаки ли это. Они думали, что в серых шапках только казаки, потому что наши казаки были в серых шапках. Они видывали, когда наши казаки их кур ловили. Или гуся поймает их, сел на коня и помчался – они денег не платили. Они боялись наших казаков. Дорогой заметил я, что по железной дороге железный мост был взорван австрийцами. Тут много было рабочих, работали... Телеграфные столбы были отпилены, телеграфные провода были во многих местах отрезаны – все это австрийцы удеывали.

Ночью мы дошли до местечка, где был нам назначен ночлег. Загнали нас во двор; во дворе было холодно и грязно. Затем перевели нас в одну хату, тут было тепло, только тесно было – все мы спали сидя, даже голову было неуда наклонить. Накурили табаком; дыма – полная хата; сидели мы всю ночь как в аду. Ночью принесли конвойные нам каво и роздали всем по черпаку, а хлеба не было...

(часть текста утеряна)

...по четверти буханки выдавали хлеба, кроме казенного.

26-го декабря я послал письмо на родину и прописал, что я нахожусь в плену в Австрии. С 21-го по 26-е погода была скверная, каждый день дождь, а после дождя сырой снег – грязи было довольно, а снегу не было вовсе.

¹ Фляжки.

С 26-го [декабря] по 1-е января погода умеренная. 3-го января я послал другое письмо на родину. Замечательно, что 3-го числа был гром и молнии, после того пошел град и дождь, а ночью был сильный ветер и поднялся туман. 4-го весь день был туман, вроде дыма, так же ничего не видно было. С 4-го по 7-е переменная погода, выпал снег. 8-го мороз.

9-го тепло – весь снег растаял. Утром был смотр генералом. Замечательный день – ..., тепло и солнечно. Днем на небе видна была ... звезда на юге. Отправили из нашего лагеря 1000 человек пленных и неизвестно куда ушли по шоссе-ной дороге на запад. Наши пленные обрадели и кричали «Ура!» – думали и говорили, что мир, отправляют нас через Румынию.

11-го был дождь, 12-го и 13-го сырой снег. 14-го – холодно.

14-го стали нас гнать на прогулку два раза. Стали нам выдавать хлеб каждый день по буханке на двоих, весом не более 2½ ф. буханка. У них вешают¹ тесто одному по три фунта. Пищи получали мы каждый день. Утром часов в 6 давали нам каво; обед в полчаса 11, ужин в 5 часов. На обед выдавали порцию. Но только порции выдавали очень маленькие – не более как 12 или 14 золотников². Пищи варили попеременно в каждый день разное, но только выдавали не помногу – нам не хватало пищи и хлеба, мы всегда были голодны. С первых дней и я был сыт каждый день, пока были деньги покупал хлеб в лавке по 25 коп. буханку. Хватало на два дня с казенным. Покупали селедку по 9 коп. и курить табак. Но пока же, Слава Богу, живется хорошо, а вперед, Бог знает, как будет. Денег у меня осталось немного, жалование здесь не выдают, за работу не платят. Платят только тем, которые прибыли раньше – они записались к вольному подрядчику ходить на работу каждый день – только они получали от подрядчика по 10 коп. за день.

(часть текста утеряна)

...в Россию через Румынию. Я подошел к конвойному австрийцу и спросил его. Он мне сказал, что вас отправляют в другой лагерь. Тогда мы узнали, что нас ведут не на станцию, а в другой лагерь. Наш лагерь расположен был вблизи города Лодзи³. Прошли мы верст 12 и вот, наконец, и Монхтрек⁴ перед нами стоит около города Вельса⁵. Видно – здесь много барачков построено в ряд и кругом. И вот простым глазом всякий видит солдат – белеют Альпийские горы. По ним ведь когда-то ходил Суворов. Эх, если бы родиться в те времена...

Затем мы проходили лагерем. Видать, и в этом в лагере много солдат наших пленных. Наконец, нас остановили; пришли офицеры и отсчитали нас по 200 человек в каждый барак. Барачков много было еще простых. Нас двести человек определили в 8-й барак, 3-й батальон. Здесь матрасы, подушки и одеяла были для нас готовы [уже]. И вот в другом лагере начали мы жить в австрийском плену. Тяжелые дни: с первых же дней стали нас гнать на работу. И гоняли в каждый день несколько сот человек на работу. И гоняли в большую часть на станцию работать [на] железную дорогу, потому что провели рукава по всем лагерям.

¹ Здесь: взвешивают.

² Золотник – мера веса, равная 1/96 части фунта, 4,266 грамма.

³ Лодзь – ныне город в Польше.

⁴ Мархтренк – лагерь военнопленных, одноименный, названный по городу дислокации на территории современной Австрии.

⁵ Вельс – город на северо-западе современной Австрии.

Погода с 27-го по 30-е тепло и солнечно, снег растаял весь. 1-е февраля – австрийский 13-й день февраля – воскресенье, Заговенье на Великий пост. Нам выдали жалованье за 11 дней – по 8 коп. за каждый день, итого получили 88 коп. по 20-е число февраля (осталось недополучено за 42 дня). В каждый день пищи нам варили разное и давали немного, по утрам давали каво. Буду описывать с 1-го февраля пищу. А хлеба известно сколько нам выдавали – два с половиной фунта на двоих.

1-го утром – каво, обед – борщ, ужин – картофельный суп. 2-го – каво, обед – рисовый суп, ужин – фасоль. 3-го – каво, обед – перловый суп, ужин – фасоль и капуста. 4-го – каво, обед – перловый суп, ужин – рисовый суп. 5-го – каво, обед – перловый суп, ужин – рисовый суп.

6-го – каво, [на] обед была редкая фасоль с бобами – можно было сосчитать в баках сколько бобов было, а червей, наверное, было больше, чем бобов. Сварили одну мутную воду; наверное, нисколько не мыли бобов, а эти черви, наверное, вроде мошки были в бобах – и все вместе сварили нам, русским пленным. А у нас бы, наверное, свиньи не стали есть такую пищу, но мы тоже не приняли эту пищу, оставили так. И [в] некоторых бараках тоже не приняли эту пищу, забастовали. Мы об этом доложили старшему конвоиру австрийцу – что мы не будем принимать обед, потому что сварили с червями. Австрийцы свалили вину на нас – говорят, что вы сами набросали червей. Затем мы доложили об этом коменданту, комендант сейчас же выслал фельдшеров. Фельдшера осмотрели наш обед и действительно признали негодным; сейчас же приказали отнести баки обратно на кухню и сказали нам, что сейчас же вам отменят пищу. Но это нам не отменили, а суп вылили в яму – мы остались без обеда. Будем же помнить, друзья, как нас кормили в Австрии.

Погода с 1-го по 6-е – тепло. Люди в бараках стали заболеть разными болезнями. У нас, в 8-м и 7-м бараках, признали доктора заразную болезнь – тиф. 7-го утром – каво, обед – манный суп редкий, ужин – перловка. 7-го числа комендант приказал старшим барака отобрать русские деньги и вообще драгоценные вещи: часы серебряные, и кольца серебряные и золотые под записью старшего барака, имени, фамилии и личного №. И объявил, что эти деньги сдадутся в канцелярию, и когда будем уезжать в Россию это все вернется обратно. После того был нам смотр врачом; он записал всех больных в бараке. Оказалось больных в нашем бараке 27 человек, а в 7-м бараке – 25 человек. Собрали команду и сейчас же отправили их в лазарет, а остальным людям здоровым врач приказал, чтобы никуда не ходить, кроме отхожих мест. И приказал, чтобы эти два барака обнесли кругом провололочной решеткой. Пришли рабочие и стали работать. Всю ночь они работали и обнесли кругом два барака провололочной решеткой; оставили только дверь и проход в отхожее место. На дверях стоял часовой, он кроме санитаров никого не пропускал.

7-го и 8-го дождь. Утром 8-го – каво, обед – перловка, ужин – фасоль с капустой. 9-го – каво, рисовый суп, ужин – фасоль. Люди стали заболеть – 9-го числа оказалось у нас больных 15 человек, а в 7-м бараке – 17 человек. Собрали команду и отправили их в лазарет, затем пришли к нам врач и санитары, осмотрели все у нас и приказали выкопать яму возле барака и жечь матрасы и подушки больных. Нас никуда не выпускали из барака – сидели как в тюрьме. Обед нам носили в барак, воду тоже. Затем выдали нам личные номера и приказали пришить

к шинели и рубашкам. А под вечер нас выгнали из барака со всеми вещами и стали нас пропускать по 25 человек и привели нас в простой барак. Зашли мы в коридор, и приказали нам снять с себя все белье, связать и сложить в кучку, а хлеб и котелки взять с собой. Зашли мы в барак и видим – стоят тут колоды. Выдали нам по куску мыла, а санитары таскали горячую воду; и мы стали мыться. Когда помылись – выдали нам чистое белье австрийское и выгнали нас в другую половину барака и заперли на замок. Выдали нам только сапоги, а черное белье и шинели парили на сухом пару до ста градусов – это чтобы избежать вшей. И продержали нас в холодном бараке целые сутки в одной рубашке, мы всю ночь не спали, потому что холодно было. Тут возле барака работали все время четыре машины – грели воду и белье парили.

10-го числа обед принесли нам в барак. После обеда нам выдали шинели и черное белье, и вещевые мешки. Выдали нам мазь от вшей, и смазывали мы все тело, а под вечер пришли мы в свой барак. В бараке у нас все стены и нары были смазаны карболовой известью; в матрасах и подушках солому у нас вытряхнули, и нам пришлось спать на голых нарах три ночи. Погода была холодная.

11-го – каво, обед – перловка, [ужин] – рисовый суп. Чувствую я, что нездоров: сильно заболела у меня голова и живот. Нас заболело много, потому что мы простыли, когда сидели в холодном бараке. 12-го завтрак – перловка, обед – мамалыга, ужин – фасоль. 13-го – каво, обед – перловка, ужин – фасоль. Набивали в матрасы свежую солому. Слышу я себя, что у меня боль увеличивается, аппетита у меня не стало. Многие уже заболели и взяли их в лазарет. 14-го – каво, бобы, борщ. Я пошел в околоток¹ – дали мне порошков. 15-го – каво, бобы, рис. Погода с 9-го по 15-е – холод. Ходил я в околоток – дали порошков. Слышу себя – живот у меня перестал болеть, а голова сильно болела, и аппетита у меня не было. Хлеба у меня оставалось, а порции раздавал товарищам. Больных из нашего барака – 65 человек. 16-го завтрак – редкая перловка, обед – рис, ужин – борщ. 16-го послал я письма на родину. Погода – гром, молнии и дождь.

17-го дождь. Утром – каво; бобы, перловка. Я пошел в околоток и положили меня в лазарет; выдали нам чистое белье, а черное все мы сложили в кучу – шинель и шаровары – и стали парить. С первых дней у меня температура была на 39, а потом стала меньше. С 17-го по 28-е пробыл я на молоке; хлеб выдавали белый. А с 25-го температура [у меня] стала нормальной – 36 и 8. С 28-го перевели меня на порции, и хлеб уже я стал получать черный – стал я выздоравливать.

Порядок в лагере был такой: кто состоит на молоке, тому выдавали хлеб белый – булочку весом с полфунта, порций не выдавали, а суп получал особый – без жира и без соли. А кто состоит на порции – суп получал жирный, а порции в увеличенном виде; хлеб получал ржаной и мягкий, весом не более полуфунта. Когда стали мы выздоравливать – хлеба нам стало мало; мы покупали за дорогую цену. Деньги нам тогда выдавали жалованьем по 8 коп. в день. В 6 часов утра получали мы чай; часов в 10 каждого дня приходил врач, осматривал больных. С врачом ходил санитар и переводчик, который мог говорить по-немецки. Фельдшера и санитары были наши – русские пленные. Лекарства выдавали фельдшера. [В] полчаса одиннадцатого получали хлеб; [в] 11 часов был обед; перед обедом тяжело больным подавали по рюмочке красного вина. [В] три часа получали

¹ Околоток (устар.) – здесь: врачебный пункт при воинской части.

чай, а тяжело больные получали вареное молоко; [в] пять часов был ужин. Железные печи топили все время, и можно было вскипятить чайку.

С 18-го февраля по 1-е марта погода была хорошая – тепло и солнечно. Говорят, что 1-го марта прибыло пленных в наши лачуги с позиций около шестисот человек, и было много между них девятьсот пятидесятого года. Это нам рассказывал солдат из нашего барака. Он пришел к нам – принес жалованье за десять дней. Мы до сего времени не слыхивали никаких новостей, потому что нас никуда не выпускали, хотя [мы] и выздоровели – никого к нам не допускали в барак, кроме санитаров и служителей. Мы обставили его кругом и стали спрашивать его, нет ли каких новостей у нас в лачуге. Он стал нам рассказывать [то], что мы слышали от старшего хлебопека, что нам еще хлеба сбавят. Сейчас мы получаем буханку на двоих – каких-нибудь два фунта с половиной – а теперь будут выдавать этот же хлеб на троих в день. Это мы не поверили ему, стали мы говорить ему, [что] этого не должно быть, потому что и сейчас нам выдают мало, тогда мы с голоду помрем все. Слыхал я разговор от солдат раньше, и теперь – говорят все одно: «Эх, хлеба мало. Если бы хлеба давали побольше, тогда бы и пищи довольно было бы, [а] то все не хватает нам – всегда мы голодны, да еще голодный народ постоянно гоняют на работу». Почему больных сейчас много, все лазареты ведь наполнены больными? Потому что люди голодные, малокровные, и одежда на них плохая – чуть простыл и заболел, и кроме того, есть у нас заразная болезнь, которая называется тифом. Она если заберется в барак, то [всех] подряд она забирает. Мало ли помирает людей от этой болезни?»

2-го марта действительно хлеба стали выдавать буханку на трех человек; на одного человека приходится не более как три четверти фунта. Говорят, что наши хлопцы не приняли этот хлеб – забастовали и не пошли на работу на другой день, хотели взять с австрийца свое, но видно воля не наша, пришлось повиноваться одному, хотя нас и много – около двадцати тысяч в этом лагере. Остались все без хлеба 2-го марта и [так и] не выдали за этот день. 3-го марта получили буханку на троих, потому что австрийские офицеры стали говорить: «Если не будете получать хлеб, то будем вас расстреливать»; и с третьего марта стали печь хлеб на двоих уменьшенного вида, а своим солдатам выдавали по старому – не уменьшили.

4-го марта врач выписал нас, человек 15, из нашего лазарета здоровых. 5-го марта сходили мы в ванную – помылись, и выдали нам чистое белье, а грязное все мы оставили тут; и повели нас в новый барак. Собралось нас человек 80 в этот барак. Приходил врач каждый день и через три дня выписывал здоровых в свои бараки. Хлеб и пищу получали как и в лазарете: хлеба получали не более как с полфунта, но мягкого, чистого ржаного. Пищу стали варить редкую, и хлеба мало – в желудке пусто, есть хочется, и купить негде. Если где найдешь купить – [за] буханку платили по 80 коп., и по 1 руб. за буханку весом два фунта с четвертью. Новости? Слыхали мы от австрийцев вольных, что 9-го марта [в] 8 часов утра взяли наши первоклассную крепость Перемышль¹, сказывали нам. Наши переводчики читали немецкие газеты и рассказывали нам, что в городе Вене идет бунт из-за хлеба – рабочим фабриканты стали выдавать хлеба мало, и мирным жителям выдают с весу очень мало; говорят, что в Вене 12 рублей пуд муки, а мяса – 30 руб.

¹ Речь идет о капитуляции австрийской крепости в ходе 2-й осады русскими войсками 9 (22) марта 1915 года.

пуд и все продукты стали дорого. Я слышал от наших рабочих, которые ходят на станцию на работу – они говорят, что у вольных австрийцев хлеба нет нисколько. [Те], которые работают на станции, питаются рисом, рыбой и картошкой.

10-го марта врач выписывал здоровых в свои бараки – выписал 40 человек; меня еще не выписал, потому что я был еще слаб. 11-го пришло 50 человек слабых на их место. С 1-го марта по 11-е погода была хорошая – тепло и солнечно. С 1-го марта видно было – австрийцы работали на поле, пахали на коровах и сеяли, и боронили, а кто навоз возил. Сажали картошку и бураки, бобы и прочее. 12-го был гром, молнии и сильный дождь.

13-го врач нас выписал в свои бараки 30 человек здоровых. Пришли мы в свои бараки, хлеб стали получать уменьшенного вида буханку на двоих, весом не более 3/4 фунта, но хлеб был горький, потому что пекли с кукурузой и с фасольной мукой. Утром – каво, обед – перловка редкая, ужин – борщ. 14-го – каво, обед – мамалыга, ужин – бобы. 15-го – каво, обед – бураки, ужин – фасоль. Прибыла партия пленных 250 человек с позиций, но их отвели за решетку; нас не допускали часовые к ним.

16-го – каво, обед – борщ, ужин – борщ. Сегодня тоже прибыла партия пленных 600 человек. С понедельника 16-го сегодняшнего дня начинается еврейская Пасха – исключили их с довольствия – они будут получать мацу, довольствоваться будут в особой кухне. 16-го известно было нам в немецких газетах о сдаче г. Перемышля – читали переводчики и переводили на русский язык. Говорят, что Перемышль взят нашими 9-го марта; и взяли австрийцев 70 тысяч строевых и 47 тысяч не строевых, и более 1000 офицеров австрийских, 1050 орудий; и взяли из крепости обратно наших пленных, которые находились в крепости в плену 2 тысячи и 6 офицеров.

17-го завтра – мутная вода, обед – перловка редкая, ужин – капуста с брюквой. Прибыла партия пленных около 700 человек. 18-го завтрак – вода мутная и несколько крупинок брошено, обед – рисовый суп редкий, ужин – фасоль с брюквой. 19-го – австрийское 1-е апреля. Утром – каво горькое, обед – перловка редкая, ужин – борщ с брюквой. Погода с 11-го по 19-е – тепло. [В] австрийских газетах было напечатано, что германец взял г. Варшаву. Австрия пишет про себя, что на Карпатах все берут их и очень здорово врет их газета. [В] это все нам не верится, потому что мы это все прекрасно знаем, нам все это известно, как она врет, этим она только своих солдат поддерживает, чтобы не падали духом бодрости. Раз, я помню, как-то было напечатано в австрийской газете, что Австрия взяла русских в плен сто тысяч и сто пятьдесят орудий, 4 тысячи лошадей, но [в] это тоже нам не верится, потому что очень большое количество проставлено и не сказано, в каких местах взято. Они сами про себя мало описывают, что Русь взяла австрийцев в плен, а все берет Австрия лишь наших – скоро уже пройдут все Карпаты.

19-го был нам медицинский смотр врачом – выгнали наш батальон на площадь и построили по баракам. Продержали нас с 9 часов до 12; приходил комендант и осматривал – нет ли у кого австрийских шаровар и пиджаков, и вольных шаровар. У кого были австрийские – у тех отнимали и записывали их номера. Когда кончили смотр, а приказания [еще] не было расходиться, у нас некоторые зашли в барак. Комендант увидел это и арестовал весь барак без обеда и без хлеба; из-за одного или из-за двух человек пришлось отвечать более двухсот. После обеда нас выгнали другой раз и построили по баракам, и обставили нас часовыми; а в это

время ходили по баракам врач и комендант, и санитары. Они у нас обыскивали вещевые мешки – лишнее отбирали у нас, что не полагалось держать. Тут у некоторых отбирали: российские деньги, серебряные ложки, вольные шаровары и сукна; у некоторых были патроны, гильзы и прочее. Вообще, наверное, они искали револьверы и русские знамена.

20-го – каво, обед – рисовый суп, ужин – бураки. Хорошая погода. Прибыл эшелон пленных 500 человек – отвели их за решетку. В двух бараках был сегодня смотр – выгнали их во двор и построили по четыре, и обставили их часовыми, и никуда не отпускали; а в это время осматривали у них вещевые мешки и все ценные вещи у них отобрали. Потом стали их осматривать: раздели всех – у них стали по карманам искать. Говорят, что у одного санитаря еврея нашли русских денег две тысячи, и все отобрали; сказали ему, что когда будет отправляться в Россию, тогда выдадим вам. Вечером сняли всех часовых с постов, дали им освобождение на Пасху – будут ходить только патрули. На каждый барак было раньше поставлено по одному часовому, а теперь остались только за решеткой, остальных всех сняли.

21-го – каво, обед – бобы, ужин – манный суп редкий, порция селедки на двоих. Прибыла партия пленных 700 человек. Под вечер на Пасху шел дождь. Очень плохое наше положение – получили мы наказание за грехи. Подходит высокопраздничный день Святой Пасхи; придется, наверное, провести этот день великий тоже голодным, потому что денег ни копейки, покупить не на что, жалование нам прекратили выдавать, вот уже не получали за две недели и говорят, что больше не будут выдавать. Если бы были деньги, то купили бы для Христова дня пару яиц – продавали в лавке по 7 коп. яйцо. И можно бы всего покупить, хотя и дорого: хлеб продавали в буфете из чистой кукурузы по 40 коп. буханку, но давали только по четвертинке на человека за 10 коп., и то через 2 дня. И всякий товар продавали дорого: если в России стоит 3 коп., то в Австрии – 5 коп. Например, сахар кило продавали 52 коп. (кило – 2 фунта с половиной). Сала кило стоило у них 2 р. 50 к.; ветчина то же; масло не разливное кокосовое – 1 р. 85 к., колбасы – 2 р., апельсины по 6 коп. штука, лимоны – 5 и 6 коп. Табака легкого пачку продавали по 8 коп., листовой разрезанный – по 5 коп., крупного разреза по 4 коп. – весом пол осьмушки¹. Спички – 1½ коп., соль – по 5 коп. ложка. И продавали ром, пиво, лимонад и квас. Ром и пиво русским не давали, а только австрийцам. Солдатский хлеб стали продавать по 60 коп. буханку весом не более как ¾ фунта. Некоторые продавали за табак хлеб, а сами оставались голодными – это все нужда заставляет нас. Пищу стали варить вовсе редкую, где нигде [ни] крупинки, да кислая капуста – совсем голодная эта страна.

(часть текста утеряна)

Погода 24-го пасмурно, вечером был сильный гром с дождем и поднялся сильный буран: так было страшно, что бараки качались как на воздухе. Замечательно, что по всему лагерю провели электричество, везде стали гореть электрические огни. На дворе по ночам стало светло, как и днем. В бараках и клозетах тоже горело всю ночь электричество.

Лагерь сейчас устроили хорошо – как в большом городе вся площадь настлана камнем. Бараки устроены в 4 ряда и растянулись на версту, наполовину есть

¹ Осьмушка – восьмая часть чего-либо. Здесь мера веса, 1/8 фунта.

двухэтажные. Между рядами бараков устроены кухни, прачечные и клозеты. Бараков находится около трехсот и еще строят все время; кругом лагерь обнесен проволоочной решеткой. Пленных находится в нашем лагере около двадцати тысяч; бараки еще не все наполнены солдатами, есть еще простых много. В двухэтажных бараках находятся по 400 человек, одноэтажных по 200 человек. Говорят, что в Австрии находится 13 лагерей пленных. Вот нас уже пригнали в другой лагерь – это все работали наши солдаты; и сейчас начали устраивать третий лагерь версты за две по шоссе и провели железную дорогу от станции до другого лагеря – это все сделали наши пленные. Стали гонять на работу в каждый день по 40 и 50 и 70 человек с барака; и платить стали за работу по 5 копеек. А раньше платили по 10 коп. чернорабочим; плотники получали дороже – по 50 коп., и по 70 коп.; на железной дороге работали по 20 коп. и дороже. Чернорабочие работали в каждый день: копали канавы, выравнивали ямы, возили камни на тачках, а вечером получали за работу по пять копеек. Работали на станции в каждый день около двухсот человек: выгружали с вагонов тес, трубы разные, и продукты, и прочее... Ходили в каждый день на работу в другой лагерь около пятисот человек.

25 марта. День был праздничный – Благовещение Пресвятой Богородицы, в среду по Пасхе. Пробудился в шесть часов утра, встал я с постели, надел сапоги, умылся холодной водой, полотенцем вытерся и Богу и помолился и слышу – на дворе кричат за кофеем. Зазвенели баки, очередные¹ пошли на кухню за кофеем, принесли кофеем и разделили мы по отделениям, взял я черпак и распределил всем по черпаку. Напился я кофеем без хлеба, взглянул я на небо и прослезился. Умственно подумал я и удивился в том, чем мы живем и питаемся – одной жидкостью наслаждаемся. Сегодня праздничный день, а нам русско-пленным горе и беда, голодом уморяют, а на работу в будни и в праздник выгоняют. Сегодня пришел их караул и всех на работу угнал. Если не идти... Отказаться боимся, чтобы без обеда не остаться. Иногда такие случаи бывают: придут конвоиры и до одного всех из барака выгоняют. Но этого еще мало: хлеба, кофеем и пищи нам всем всегда не хватает, каждый день почти что каждый русский человек из голоду плачет. И многие от этого страдают, и даже от голоду умирают и болеют, продают последние свои вещи – не жалеют. Но этим он долго сыт не бывает, в один час деньги эти пройдут. Каждый из нас предполагает, что деньги счет это... А сам только что держится на своих ногах. Еще так бывает: некоторые идут в каждый день на кухню на работу картошку чистить или воду носить, а после идут с котелками пищи набирать к повару. Повар отбирает у них котелки из рук и накладывает им каши. А нам остается жидкость и вода. Горе нам, братцы, из беды питаемся мы одной лишь водою.

Слышу я – свисток передают на обед. Очередные принесли редкий перловый суп. Раздал я обед своему отделению и лег отдыхать. И вижу я во сне чудный сон: будто бы я нахожусь на позиции со своими землячками, а войска очень много, и заняли мы позиции во своем среднем в поле и вижу передо мной очень высокие горы, и думаю себе «эх, это ведь Карпатские горы, я на них бывал». И мы полезли на самую высокую гору и были со мной даже наши соседи, мужики с которыми мы вместе гуляли. Я будто бы в военной форме, и одежда у меня плохая, вся изорвана, и винтовка с собой. И вижу – на эту высокую гору есть тропа, и мы пошли на эту гору. Когда мы полезли на вершину, эта гора очутилась полая, и видать с обеих сторон двери.

¹ Здесь и далее: дежурные в соответствии с очередью.

Пошли мы ко дверям; я отворил дверь и вижу нашу деревню и видать свой дом. Затем мы пошли к другим дверям, и вижу – по сторонам много наставлено австрийских телег и орудий, и сложено много саней. Прошли мы дальше, вижу – на дороге стоят четыре лошади и тут же колодец; эти кони не допускают к себе, ужасно лягаются. Я все-таки с большим трудом пробежал – не успела лягнуть, а товарища моего лягнула, а некоторые убежали в сторону. Эти кони были австрийские. Пришли вольные австрийцы и стали они бить нас кнутом, мы побежали в халупу и они за нами; тут подняли драку. Я тут заколол штыком двух человек вольных австрийцев и девушку лет пятнадцати. Потом мы вырвались из халупы и стали наступать на свою деревню. Зашел я в деревню и вижу – мой земляк из одной деревни, с которым мы ехали на войну вместе до г. Вятки, он упражняется летать на аэроплане. Сначала он не мог подыматься, а впоследствии он поднялся высоко и стал летать по воздуху. Пролетал он раза два нашу деревню и вдруг он упал на землю. Я побежал к нему, думаю себе, что он разбился, вижу, что он остался жив. После того я разбудился.

Встал я с постели и вышел на двор, сел я возле барака и припомнил я бывшие дни своей жизни. Тем более, как приходилось встречать радостно мною Высокоторжественные праздники, тогда, когда я жил на воле, имел деньги и на карусели с молодыми барышнями катался. Можно сказать, что я своей жизнью наслаждался, а теперь поневоле пользуюсь только лишь своей одной долей, так что не знаю, как пережить это скучное и томительное печальное положение теперешней моей жизни, как я живу в Австрии в плену, провожу жизнь свою. Когда я был дома, если приходит какой-нибудь Великий праздник, то каждый человек с радостью дожидается. А сейчас только [и] знаешь, что подходит праздник, и так же постепенно проходит, как будто бы не бывало ничего, потому что радости никакой не приносит, кроме печали. И теперь не знаю, как того дня дожидаться, хотя [бы] с родными повидаться и встретить свой Родной край и дом в котором состоит вся моя жизнь, счастье и любовь.

(Начинается другой рассказ)

Встал я и пошел на площадь, где играла духовая музыка. Музыканты-евреи собрали деньги и купили музыку и стали производить репетиции, театры устраивать, пьесы и оперетты для своей пользы и для австрийского развлечения. А так же и для наших пленных, с нас за вход брали они от 5 коп. и до 40 коп. С австрийцев брали по 50 коп. Конечно, австрийцам этот театр кажется очень интересным: русская оперетта, на немецком языке. А для нас бесполезна, можно сказать, совсем не интересна, потому что нас никакая сила не может утешить, кроме мира, конечно. Эта бы сила могла бы не только нас утешить, но даже всю нашу Европу, потому что каждый из нас был бы рад такому великоторжественному дню.

Хотя у нас в лагере происходят разные штуки от нашей большой и тягостной печали и скуки. Наши русско-пленные бросаются на все руки, наделали разных игрушек: биксов и вертушек, скамеек, номеров и лотов. И происходили большие толчки, на толчки приходили разные покупатели и продавцы продавали; кто чего имел, то и продает. А потому идет к биксе или вертушке, либо какой-нибудь совершенно детской игрушке и начинает играть. Проиграет и убегает в барак, и сам себя ругает: «зачем я бросаюсь в игру, сам себя голодом только морю. Лучше бросить всякую игру и много лучше будет проводить дни в плену». Но это он все во сне засыпает. Утром встает и про игру забывает, получит хлеба свою долю и ни разу не поест его,

с неволею носит его по бараку и кричит: «Эй, господа! У кого деньги завелись, тот человек ко мне на хлеб навались!» Если в бараке он не продал, то он несет на толчок, продал хлеб и начинает играть. Есть, и много найдется у нас таких господ, которые все время занимаются разными играми, и тем время продолжают в плену.

Сегодня привели в наш лагерь русско-пленных 50 человек и отвели их за решетку. Нас никого туда не пропускали к ним, чтобы мы не имели никаких разговоров с вновь прибывшими.

25 погода была хорошая, теплая и благоприятная, с солнечным сиянием. На ужин сварили нам австрийских бобов. После ужина в театре о шести часов начали играть пьесу на немецком языке. В двенадцать часов ночи при такой тихой и спокойной погоде совершилось второе происшествие такое. Загорелся один двухэтажный барак, зажег какой-то дурак. Затем загорелся рядом другой барак: сгорели два барака двухэтажных, благодаря тому, что ветра не было. А то бы все бараки сгорели, потому что смоленная крыша горит здорово. На улице пожар горит, а у нас у каждого сердце болит. Каждый солдат встал ото сна, испугался, надел шаровары, мундир и в полной готовности собрался. Все стоят, дожидаются, в окно поглядывают и ждут приказания, чтобы не попасть в это несчастное наказание. Тревогу играют, солдат своих на пожаре, из винтовок стреляют, часовых у каждого барака выставляют, из барака никого не выпускают. Если только кто полезет, то прикладом по спине получит, то есть они боятся, чтобы мы никуда в это время не разбежались. Но мы друг друга держимся и никуда не разбежались; время пожару продолжалось мало около часу.

26-го встал я утром, выпил каво без хлеба и занялся своим делом. В девять часов очередные принесли нам хлеба; разделили мы по отделениям, и я раздал своему отделению по буханке на двоих. А я своим землякам разрезал буханку пополам, и развесили на две части, так что каждому досталось поровну. Потому что приходилось нам получать хлеба мало – каких-нибудь золотников 12; и мы всегда делили хлеб на весах, чтобы каждому досталось поровну. Каждый из нас наделал деревянные весы, и развешивали пополам. Получил я хлеба – свою долю положил в вещевой мешок. До обеда я не ел хлеба, так [как] уже я привык не помногу есть; я этот хлеб всегда разделял на две части: на обед и на ужин поровну. А некоторые, как только получил хлеба до обеда, и сразу его съедает, а обед и ужин кушает без хлеба. Он говорит: «Нечего его распределять на части, если нам приходится получать мало. Съел одним разом – и меньше думки; а то все время думай, как бы съесть скорей». Кроме того, господа старшие барачников и переводчики получают они по целой булке в сутки, весом фунта полутора.

После того мы получили обед, пообедали и легли отдыхать. Обед был – жидкий перловый суп: картофель и вода; а порций не было, вместо порций выдали селедку на двоих.

Во время отдыха заходит в барак один австрийский шукствир, то есть, по нашему ст[арший]. унтер-офицер и подает свой громкий голос: «Выходи из барака, кто в сапогах, на стрижку волос; а кто не имеет сапог – выходи и стройся в два»¹. Выстроил их, переписал личные номера, имена и фамилии; по порядку их рассчитал, поворотил их на право и повел до канцелярии третьего батальона. Остановил их у канцелярии по четыре человека, и начали производить выдачу сапог. Сперва только выдали

¹ Здесь: по двое.

тем, у которых имелись опорки¹, а при конце начали выдавать всем тем людям, которые совершенно не имели сапог и опорков. Они не хотели выдавать сапоги тем, у которых вовсе не было сапог: по их мнению [те] считались продавшими свои сапоги. А то не подумают, что, может быть, человек попавший в плен совершенно без сапог, и даже сами австрийцы отбирали у нас сапоги на позиции, когда мы в плен попали. Конечно, другие отпарывали голенища и продавали их, а деньги эти проедали, а сами ходили в опорках и делали на хитрость, чтобы получить новые австрийские боты. Но таких людей совсем мало находится, потому что для каждого человека дороже всего жизнь и здоровье. Но на это они не обращали внимания – на работу всех выгоняли, им это не при чем, что у тебя нет сапог или опорков. Многие ходили на работу босые, хотя [и] зима была снегом не глубокая, и не особенно холодная, но зато очень сырая. Так что добрые сапоги и то промокают от такой сырости.

Под вечер я вышел на прогулку на площадь, а тут собрались солдаты в кружки и разговаривают между собой. Все говорят о мире, хлеба мало выдают нам, надо как-нибудь убежать из плена. А другой говорит – из нашего барака убежал один немец и неизвестно, где он находится. А тут третий стал говорить – я слышал сегодня такую телеграмму² от солдат, что будто бы один вольный поляк справил заграничный билет на 4 человека: на себя и на жену, и взял с собой двух солдат наших пленных и отправился. Тем и кончился разговор.

Затем отошел я от них к проволочной решетке, где было много солдат, и все смотрят на австрийскую полевую работу, как они работают. Я подошел к ним, остановился и стал тоже высматривать. Тут же возле проволочной решетки пахали две женщины на двух дойных коровах, а в дали видать – боронят. А кто на волах навоз возит, некоторые картошку сажают, брюкву и такое прочее. У всех болит сердце у нас, всем хочется работать, но никуда нас не выпускают из проволочной решетки.

Пришел я в барак, а тут уже собираются очередные с баками на ужин. Принесли ужин – картофельный суп, поужинали, пропели молитву и легли спать. Ночью был сильный дождь, а днем погода была хорошая – благоприятная с солнечным сиянием.

27-го до обеда был дождь, после обеда ходили в баню – умылись хорошо под дождем; а вечером был град с сильным ветром. Сегодня пригнали в наш лагерь пленных с позиций: 600 [солдат] и 6 офицеров.

28-го день был пасмурный, а после обеда шел небольшой дождь и снег. Сегодня пища была хорошая: на обед сварили рисовый суп, а на ужин перловка; порции не было, а вместо порции выдали селедку на троих.

29-го утром получили каво, на обед сварили фасоль, порцией была селедка. [На] ужин была мамалыга с фасолью. Погода – до обеда пасмурно и холодно, потом пошел дождь; а вечером погода была хорошая – тепло и солнечно.

30-го день был пасмурный и холодный. Встал я утром рано, умылся холодной водой, полотенцем вытерся и богу помолился. Очередные принесли каво в барак, разделили мы по отделениям и стал я раздавать своему отделению. Напился я каво без хлеба, потом взял ведро и пошел до колодца, накачал полное ведро для стирки белья. Затем обмочил [белье] в этой воде, взял мыла, постирал белье и развесил на проволоке у лагерьной лавочки. А сам пришел в барак, поставил ведро и лег на матрас отдохнуть.

¹ Опорки (устар.) – здесь: головки от сапог с отпоротыми голенищами, носимые как башмаки или калоши.

² Здесь: новость.

Полежал я с полчаса, потом принесли хлеб и разделили его по отделениям. Взял я список своего отделения и стал выкликать по фамилиям, кто с кем получает. Раздал я хлеб на руки, а я получил с Петром Васильевичем господином Дятловым, разделили и в мешок положил я его. А сам только посмотрел на него, а есть – не ем, потому что я всегда разделяю на обед и на ужин. Если съесть один сухой хлеб без горячей пищи, то будешь совершенной голоден и не сыт, для этого и распределяешь – сам свою жажду утоляешь.

Затем я сел на нары и сажу – в дверь гляжу. В это время заходит австрийский капрал, по нашему мл[адший]. унтер-офицер и спрашивает: «Где старший барака? Выводи людей из барака и построь по списку». Старший барака приказал нам построиться, а сам взял список и стал выкликать по фамилии. Когда проверил нас по списку, всех людей повернул нас налево и повел в лазарет в приемный покой, где стоял господин доктор большого роста с суровым лицом и с серьезными глазами. И при нем господин фельдшер взял в руки книгу и начал по порядку нас вызывать и по одному человеку в приемный покой пропускать, и в книгу отмечать, к доктору провожать нас. А доктор принимал и уколы нам давал в правую руку; а на левую руку в оспу садил. Вот какую принимали и терпели муку. Возьмет в руки себе правую нашу руку и оттягивает на нашей руке кожу, потом втыкает иголку и впускает туда какую-то смесь – лекарство, и после того вынимает иголку и домой нас отправляет.

Вышли мы и оделись, и пошли прямо в свои бараки. Пришли мы в барак, сели на нары и стали разговаривать промежду собой. Кто что может, то и говорит. А другой начинает рассказывать, как его взяли плен, и как наступали на австрийцев и на немцев. Тут приходит Корней Иванович г-н Сарычев и заводит такую речь – скоро ли проводят нас домой из Австрии, хотя бы пришлось того часу и те дорогие минуты дожидаться, чтобы с родными повидаться и встретить Матушку Россию и свой родимый дом, в котором состоит вся моя жизнь, счастье и любовь. По окончании этого разговора разошлись.

Вскоре после того передают за обедом: «Выходи, господа очередные, с баками за обедом». Очередные взяли баки и пошли за обедом. Принесли обед и разделили по мискам. Каждый из нас получил свою долю и без малого, что наелся. Обед был хороший, но только дело в том, что один жидкий: варенная кукурузная мука имеется, соль и вода. А потому мы считаем его жидким, потому что у нас у каждого хлеба нет. Чем нам гуще пища, тем лучше. Порция была мясная.

Пообедали и легли отдыхать; я тоже лег отдохнуть на час. Потом встал, обулся, достал кипятку и стали пить чай. Напились чаю, убрали посуду со стола, сели и сидим – на других глядим, кто чем занимается. Все занимаются своими делами: кто шаровары починяет, кто шьет что-нибудь, а кто пишет письмо на родину; тут же занимаются чтением, и такое прочее...

После того вскоре принесли нам ужин. [На] ужин был сварен густой перловый суп. Пищу стали варить погуще, если бы еще хлеба побольше.

Погода 30-го марта – пасмурно и холодно; после обеда был небольшой дождь.

31-марта, вставши утром, выпили каво и занялись всякий своим делом. Часов в девять пришел к нам в барак комендант австрийский и всех палкой выгнал нас из барака на двор, а на дворе построил нас по два человека. И расставил кругом нас часовых, для того, чтобы мы не разбежались и чтобы не передавали деньги никому. Потом комендант стал говорить нашему переводчику по-немецки; переводчик переводил нам на русский язык. Стал он говорить нам: «У кого есть русские

деньги, то сдавайте сейчас коменданту, он запишет в книгу сколько денег и личный номер, и номер барака. Эти деньги ваши не пропадут, возвратят обратно, когда будете уезжать в Россию. А кто если сейчас не сдаст добровольно, а потом найдут русские деньги у одного, то будет [тот] строго наказан. И сейчас же стали по порядку у нас отбирать деньги: бумажные, серебро; и [у] людей, у кого сколько было, все отобрали до одной копейки. Так и мы остались без денег – у меня их не было. Не знаю, эти деньги обратно возвратятся или нет.

Погода 31-го – пасмурно и холодно. Обед был – рисовый суп, ужин – перловка.

И вот еще сегодня ночью случилось такое несчастье. После пожара, как сгорели два барака ночью, было запрещено ходить на двор после семи часов. И вот сегодня ночью, патрули были мажарские. Они были пьяные, закололи штыком двух солдат 2-го батальона; один еще пока жив, а другой, говорят, что помер в лазарете. За что их закололи штыком? За то, что они ночью выходили на двор: один ходил к земляку в другой барак и обратно пошел во свой барак уже ночью. Патрули увидели его и стали бежать за ним; он и не подумал вовсе. Настигли его и один штыком его тяжело ранил; он тут же упал без чувств и после того вскоре помер. А другой, говорят, ночью...

(Часть текста утеряна)

...ком, остался пока еще жив.

1-го апреля погода была с утра пасмурна, а потом пошел дождь.

2-го числа погода – дождь. Сегодня привели пленных со станции в наш лагерь – две тысячи с половиной. Взяли их на Карпатах. Они говорят, что утром мы взяли австрийцев в плен 2 тысячи, а вечером они взяли нас 2500. Сегодня потребовали нас в полковую канцелярию и составляли каждому особые бланки. Записывали сначала имя, фамилию, деревню или местечко; какой волости, уезда, губернии; чем занимался, какого вероисповедания; женат или холост, грамотный или нет; в каком году родился; по какой мобилизации мобилизован, какого полка и какой роты, когда забран в плен; цвет волос, рост, оспа привита или нет – укол сделан или нет; ранен был или нет. Когда это все записали – отправили нас в барак.

Пришли мы во свои бараки, уселись, и слышу я такой разговор от солдат – когда бланки готовы все будут, тогда нас отправят в России; наверное, есть уже переговоры и такое прочее.

Еще ночью случился такое происшествие. Наш пленный ун[тер]-оф[ицер] 1-го батальона вечером пошел в другой барак к землячку и просидел до позднего времени и ночью пошел он в свой барак. Увидели его патрули, что идет пленный и один из них закричал что-то по своему; что, дескать, стой! Он и не понял, что кричит австриец, шел себе и не обращал даже внимания. Австриец застрелил нашего пленного ун[тер]-оф[ицера]. и убил его – пуля прошла насквозь. Это судить не нам, пусть осудит Бог. Был же он на позиции, но Бог спас его, а пришлось уже помереть в плену от неприятельской пули.

(Не закончен, а переведен в другую книжку. На настоящий момент последующих тетрадей не обнаружено)

Поступила 20.09.2016; принята к публикации 20.10.2016

Кудрявцев Алексей Николаевич, младший научный сотрудник, МарНИИ им. В. М. Васильева, Россия, г. Йошкар-Ола, *alterloki@rambler.ru*

Соколов Александр Владимирович, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *alexander-falke@yandex.ru*

**IN THE TRENCHES AND IN CAPTIVITY:
A SOLDIERS DIARY OF THE FIRST WORLD WAR (CONTINUED)**

A. N. Kudryavtsev, A. V. Sokolov

This text is a continuation of the publication of the diary of a soldier of World War I, whose author was a senior non-commissioned officer of the 130th Infantry Kherson Regiment Nikolai Demidovich Mursatov, born in Vyatka province. A copy of the diary was given by a resident of the city of Yoshkar-Ola, in whose family archive this relic preserved. The first part of the diary described the events of November and December 1914, when its author was mobilized in the city of Vyatka, and got into the army in 130 Bessarabian Infantry Regiment (West – East, 2014, no. 7, pp. 136–152.). Notes describe the mobilization, military operations in the foothills of the Carpathians and the siege of Peremyshl, the soldiers' lives and the life of the first military autumn. The second part of the diary is devoted to military captivity, where Nikolai Mursatov got in December 1914. The first batch of numerous war prisoners during the World War I was captured during this time, during the battles in Poland on the Carpathian front. The text contains historical information about the mood in the Russian army, the life of war prisoners in the Austro-Hungarian captivity on the territory of modern Poland and Austria. During the capture and interrogation of the first Russian soldiers and officers, according to the author's diary, maintained dignity and did not disclose details. Communication with officers during interrogations took place in a mixture of Slavic languages. Initially, the attitude to the prisoners from the Austrians was quite humane: they shared food and tobacco. Diary's author changed several camps, especially in detail he describes major Austrian war camp in Marchtrenk. The author reports the number of prisoners, the number of huts, their location. Diary's materials indicate that people in the camp tried to comply with international standards. But while the prisoners lacked the products, were ill, had no opportunity to work. Diary's materials kept the details of diet and nutritional standards of prisoners, diseases and vaccination, rights and responsibilities of different emergencies.

Keywords: World War I, war prisoners, camps of war prisoners, Marchtrenk.

Citation for an article: Kudryavtsev A. N., Sokolov A. V. In the trenches and in captivity: a soldiers diary of the First World War (continued). West – East. 2016, no. 9, pp. 163–180.

Submitted 20.09.2016; revised 20.10.2016

Kudryavtsev Aleksey N., Research Assistant, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History after V. M. Vasilyev, Russia, Yoshkar-Ola, *alterloki@rambler.ru*

Sokolov Aleksandr V., Senior Researcher, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *alexander-falke@yandex.ru*